

Хроніка любові: волнуючі сторінки

О книге Исаака Трахтенберга «Мой Киев, мои киевляне»

«Память – это история, однако и история – это память», – нередко предпочитает цитировать данное высказывание Фрэнсиса Бэкона автор своеобразной лирической энциклопедии, посвященной городу Киеву, о которой идет речь, Исаак Михайлович Трахтенберг.

Почему же эта новая объемная книга, представляющая собою двухтомное издание с большим количеством иллюстраций и внушительным перечнем упоминаемых лиц, возникает как целостный монолог Исаака Михайловича, прежде всего исторического плана, но в личностных очертах, рожденных и навеянных родным городом? Разумеется, любая большая книга – своего рода авторская исповедь, что свойственно и данной работе. «Я родился в этом городе, рос...» – эта строка поэта-фронтовика Семена Гудзенко, приводимая на страницах книги, относится и к самому автору. Ведь здесь Исаак Трахтенберг окончил среднюю школу, поступил в университет, а затем в медицинский институт, стал врачом-новатором... Фактически вся разноплановая научная и общественная деятельность Исаака Михайловича сосредоточена в его родном городе – Киеве. И так, перед нами прежде всего авторитетный ученый в области медицины труда, токсикологии, профессиональной патологии в частности и в профилактической медицине в целом, член-корреспондент НАН Украины (избранный в ее состав по специальности «Медицинская экология»), академик НАМН Украины, лауреат Государственной премии Украины и Премии имени А.А. Богомольца НАН Украины, академических премий НАМН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины. Совершенно понятно, что большую часть трудов ученого составляют фундаментальные монографии научного содержания. Они, к слову, написаны ярко и образно, сохраняя при этом важнейшие научные доминанты. И тем не менее литературный портрет создателя этих трудов – совсем иная ипостась. Двенадцать его произведений, имеющих историко-публицистический, художественный стиль и характер мемуаров и увидевших свет на переломе столетий, – это как бы иная грань таланта И.М. Трахтенберга на фоне привычной научной палитры.

Жизненные тропы

Начнем, однако, с Киевского государственного университета, куда юный выпускник 44-й Киевской школы на нынешней улице Жилианской поступил в 1940 году на филологический факультет, как бы ощущая в словесности свое призвание. Еще в школьные годы он страстно интересовался литературой, чрезвычайно ярким впечатлением стал вечер, который проводил в г. Киеве известный писатель Викентий Викентьевич Вересаев. И вот, как бы следуя стопами этого выдающегося литератора, избравшего после университета в Петербурге все же медицину, его последователь уже в новом веке совершает примерно то же самое: он решает сменить профессиональный ориентир и стать врачом.

Радости и печали военного времени

Когда в мире разразилась страшнейшая война, Исаак Трахтенберг принимал участие в рытье окопов на передовых рубежах города, которые впоследствии на какой-то период задержали натиск Вермахта. Спустя время в числе сверстников-студентов он будет награжден медалью «За оборону Киева». Вихри войны стали причиной разлуки будущего ученого с родным городом: во время эвакуации вместе со своей второй *alma mater* он переезжает в г. Харьков, а затем в далекий г. Челябинск. Старинный уральский город раскрывает перед побратимами из Украины свои объятия. Радостные мгновения во время учебы в г. Челябинске вопреки морозам и недоодеянию, возвращение на берега Днепра, диплом врача

с отличим в первые послевоенные годы... За этими скупыми перечислениями высится и гряда истории, прежде всего в неповторимых персоналиях педагогов и сокурсников, воспоминания о которых Исаак Михайлович пронес с собой сквозь годы.

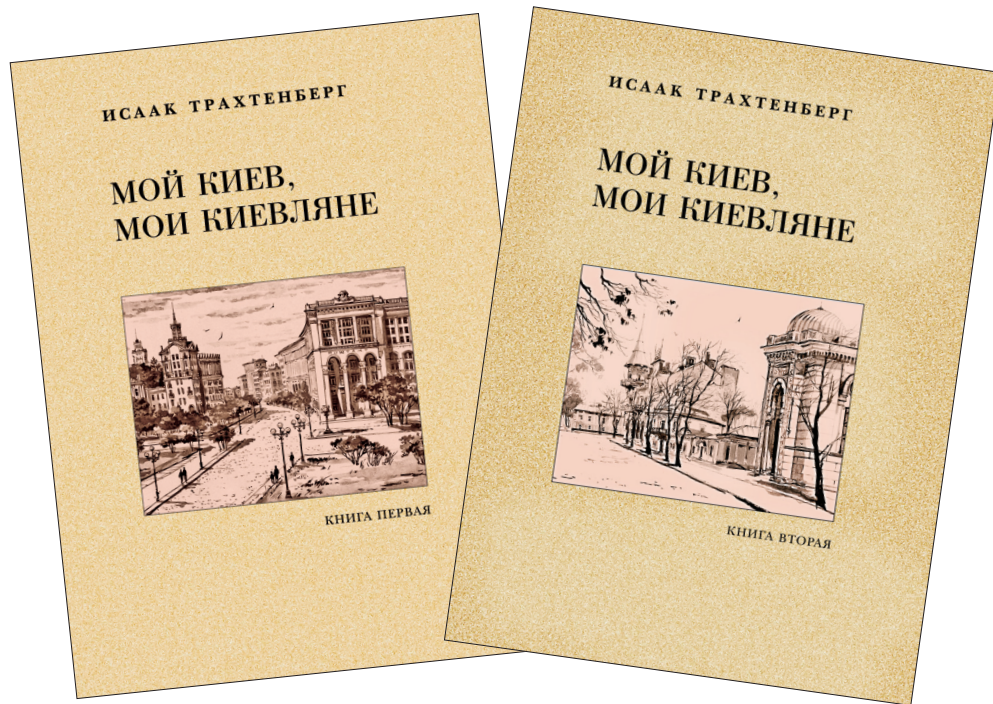
Запоздалые заметки

На начальном этапе деятельности научная вертикаль настоятельно и неотрывно требовала практически постоянной интеллектуальной сосредоточенности. И вместе с тем образы его будущих книг накапливались, а стереотип ученого в точной сфере, в первую очередь дисциплин профилактической медицины, воспитал в нем привычку и предпочтения документалиста. В этом отношении научный и личностный архив Исаака Михайловича, включая удивительный эпистолярный, – уникальное явление и бесценное собрание. Такие сохранившиеся данные с их четкой рубрикацией, хронологией и комментариями сослужили великолепную службу и в литературных путешествиях И.М. Трахтенберга.

«Запоздалые заметки» – так назвал он первую пробу в написании мемуаров.

Оказалось, что если эти заметки формально и запоздали, то лишь в том отношении, что не все из их героев смогли прочесть эти внешне простые, но запоминающиеся наброски, многих уже не было в живых... Знаменательно и даже символично, что книга вне обычных воспоминаний с их строго биографической канвой вызвала живой поток откликов. Это побудило И.М. Трахтенберга издать новые книги своих размышлений и воспоминаний – трилогию «Из записных книжек и не только...», фактически продолжившую «Запоздалые заметки». А затем с акцентами литературных предпочтений и отрицаний автора появилась проникновенная «Моя *alma mater*» – летопись штрихов истории медицинского института и записки «Остановиться, оглядеться». А еще книга писем автору с историческими

экскурсами и затем публицистический сборник «Пятьдесят эскизов времени», куда вошли статьи Исаака Трахтенберга в еженедельнике «Зеркало недели», печатавшиеся там в течение последних лет. Понятно, что картины лиц и явлений, отображенные в этом разностороннем мемуарном цикле, вошли как генетическая материя и в нынешнюю книгу «Мой Киев, мои киевляне».

удостоенная звания Героя Украины. Автор упоминает о ней лишь в сквозном ряду в силу возрастной разницы, но зато некоторые одноклассники предстают в его строках в форме, пожалуй, классических гравюр. Вот одна из них. Блистательный Константин Кульчицкий, сыгравший в кинофильме «Том Сойер» заглавную роль и сразу ставший знаменитым, но также избравший медицину... Вместе с ним и другими одноклассниками Исаак Трахтенберг пройдет челябинские траектории, а затем долгие годы они вместе будут получать знания в родном медицинском институте. Константин Иванович как бы возрожден в новой книге.

Запоминается эпизод, связанный с дружбой Исаака Трахтенберга со своим одноклассником Олегом Буданковым, ставшим оркестрантом в театре оперы и балета. Однажды Олег Буданков перед началом спектакля ввел друга в оркестровую яму. Гость нечаянно тронул ударные, когда оркестр исполнял минорное вступление к опере «Тоска». Возникла непредвиденная пауза, имевшая для нарушителя неприятные последствия...

Размышляя о друзьях и сокурсниках, автор обращается к образу Любови Леонтьевны Громашевской (Гураль). Любовь Леонтьевна – талантливый биохимик, один из фундаторов современной лабораторной диагностики – долгие годы проживала в одном доме с Исааком Михайловичем по переулку Ивана Марьяненко. Дом украшает мемориальная доска в честь величайшего эпидемиолога современности, Героя Социалистического Труда, академика Льва Васильевича Громашевского, женой которого стала Любовь Леонтьевна. Две эти неповторимые фигуры на фоне своеобразного пейзажа Печерска вблизи этой обители также вплетены в новую книгу.

Знаковым является еще один дом, связанный с соучеником и другом И.М. Трахтенберга, хирургом-фронтовиком, многолетним директором Института нейрохирургии, академиком Андреем Петровичем Ромодановым. В 1942 г. со студенческой скамьи Института в г. Челябинске Андрей Ромоданов уходит на фронт в качестве военного врача. Поразительно, но первая боевая награда находит его за успешное применение трупной крови, где энтузиаст смертью как бы попирает смерть. Есть уникальный фотоснимок – А.П. Ромоданов вместе с боевыми друзьями на крыше Рейхстага, в поверженном в 1945 г. Берлине, он включен и в новую книгу. После возвращения Андрея Петровича в г. Киев он долгие годы тесно дружил с Исааком Михайловичем, делился сокровенным. Этот дом с мемориальной доской, напоминающей, что здесь жил и творил А.П. Ромоданов, расположен на Львовской площади. Как часто в квартире на 4-м этаже ее хозяин и его друзья, а среди

Друзья, единомышленники, коллеги

Школа вблизи угла улиц Жилианской и Тарасовской, где учился Исаак Трахтенберг и где, кстати, училась легендарная партизанка-подпольщица Татьяна Маркус, посмертно

них и неизменно И.М. Трахтенберг, как бы обзревала былое, настоящее и будущее. Кстати, и нередко отмечали день рождения, поскольку появились на свет в один и тот же день и месяц — 11 ноября. Теперь эстафета времени и размышлений воссоздана и в новой книге.

Дружба высшей пробы

Особая неразделимая дружба, синтонность, душевная близость органично и волнующе объединяли Исаака Трахтенберга и его ближайшего друга, физиолога и геронтолога высшей пробы, академика Владимира Вениаминовича Фролькиса. Знакомство с Владимиром Вениаминовичем произошло в том же окутанном дымкой юности г. Челябинске, затем В. Фролькис был переведен в Военно-медицинскую академию в г. Ленинград, после завершения учебы участвовал в боевых сражениях. Одаренность ученого, тонкий интеллект были его отличительными чертами. Неслучайно способного юношу, студента Военно-медицинской академии, заметил известный физиолог, академик Леон Абгарович Орбели. Любопытно, что впервые учитель и ученик обратили внимание друг на друга на симфонических концертах, которыми уже тогда славился возрождаемый после блокады легендарный город на Неве.

Потом В. Фролькис возвращается в г. Киев в орбиту другого крупного физиолога, также ученика Ивана Петровича Павлова, академика Георгия Владимировича Фольборта. Спустя несколько лет Владимира Фролькиса приглашают во вновь созданный Институт геронтологии АМН СССР. Здесь ученый со стремительным полетом мысли придает геронтологии и гериатрии параметры точных физиологических констант, выдвигая, в частности, учения о витаукте — феномене, когда генетические особенности определяют способность противостоять наступлению старости. Дружба И. Трахтенберга и В. Фролькиса имела практически братский характер. Именно Исаак Михайлович в своих проникновенных строках воссоздал черты Владимира Фролькиса как человека на все времена. Примечательно и трогательно, что именем друга по инициативе Исаака Михайловича назван Клуб творческой интеллигенции, на ярких и драматичных заседаниях которого ушедший из жизни ученый как бы незримо присутствует.

Медицинские созвездия мировой величины

Еще один примечательный дом на старинных киевских кварталах. Сюда мы как бы переносимся с таинственной улицы Пушкинской, где жил В. Фролькис. Речь идет о здании на углу улиц Б. Хмельницкого и И. Франко, где обитал наш другой незабываемый современник, академик Николай Михайлович Амосов. Исаак Михайлович не раз бывал в старинной, вне изысков евроремонтов, квартире Николая Михайловича на втором этаже этого дома. В скромном кабинете с компьютером, полками книг, простой мебелью проходили его неповторимые беседы со старшим другом, как преданно, с любовью и пиететом И. Трахтенберг величает Н.М. Амосова. Что же сблизило их? Ведь они представители совершенно разных медицинских дисциплин? Конечно же, тяготение к слову, к правоте правды, к философии бытия.

И еще один корифей в памяти и книге — образ гиганта физиологии XX столетия, многолетнего руководителя Института физиологии им. А.А. Богомольца, академика Платона Григорьевича Костюка, кстати, являвшегося академиком-секретарем отделения физиологии АН СССР. Именно П.Г. Костюк одним из первых в мире с помощью микроэлектродов оказал влияние на нервную клетку. Это было эпохальное открытие, о деталях которого и дальнейшей научной судьбе Платона Костюка ставшего светилем и мировой науки, талантливо рассказывается в книге.

Призвание на всю жизнь

Но обратимся к преподавательской плетде в Киевском медицинском институте, описанной в книге И.М. Трахтенбергом поразительно интересно. Несомненно, самая

яркая фигура в этом ряду — выдающийся анатом, профессор Михаил Сергеевич Спириков. Исаак Михайлович вспоминает, что в пешей колонии студентов и преподавателей, двигающейся летом 1941 года к г. Харькову, шел и Михаил Сергеевич. Но если иные педагоги несли с собою хоть какие-нибудь предметы домашней утвари и провизию, то М.С. Спириков вынес из стен кафедры, обреченной на опустошение, лишь единственную поклажу с уникальными костными препаратами. Он будет в последующем пользоваться этими своеобразными учебными морфологическими раритетами в далеком г. Челябинске, а затем возвратится с ними и в г. Киев. Кафедра анатомии, замечает И. Трахтенберг в книге, находилась на окраине г. Челябинска и фактически в те суровые уральские зимы не отапливалась. Но уже на рассвете на рабочем месте неизменно появлялся профессор. М.С. Спириков готовил анатомические препараты к приходу студентов. Видавший виды в бурных потоках свернувшейся крови халат, но всегда свежая рубашка с галстуком. Из-за пронизывающего холода заложен

времени отдает предпочтение первому. Что же, и это феномен любви.

Титан эпохи

Челябинск оказался для работавших в нем в военное время киевлян гостеприимным и дорогим городом. Сквозь эти знаки жизни мы всматриваемся в черты личностей, ставших для Исаака Михайловича образцом и маяком, особенно в памятные кадры воссоздаваемой им жизненной ленты Льва Ивановича Медведя. Об этом выдающемся человеке, его испытаниях, подвиге по сохранению двух киевских медицинских институтов, умении с достоинством выйти из сложнейшей ситуации можно было бы написать интригующий роман. Достаточно сказать, что об одном из прошлых эпизодов его жизни, когда Л. Медведь спасся от неминуемой угрозы ареста лишь благодаря своей находчивости и остроумию, упоминает Н.С. Хрущев. Но если коснуться завязки взаимоотношений Л. Медведя и юного студента И. Трахтенберга, она состоялась в г. Челябинске. Фактически Киевский медицинский институт

нос. Однако профессор максимально сосредоточен и продолжает заниматься препарированием. «Наш блаженный уже титрует?» — в иронической тональности, но с нескрываемым уважением спрашивали у служителя анатомки, приходившие сюда вслед за Михаилом Спириковым доцентом. «Простим им эту терминологию», — замечает Исаак Трахтенберг. Ведь блаженный в народном понимании практически святой и таким был анатом Михаил Спириков — живая легенда украинской медицины.

Феномен любви

Мы видим в г. Челябинске глазами И. Трахтенберга великолепный ряд других корифеев науки, оставшихся верными родному институту — химика С. Можара, выдающегося невролога Б. Маньковского, избранного в качестве академика в первый состав медицинской союзной академии, невролога В. Слонинскую, ученого-гигиениста П. Баранника, психиатра Я. Фрумкина, биолога К. Кострюкова. Применительно ко Ксении Юльевне Кострюковой уместна следующая ремарка. В первые послевоенные годы профессор К. Кострюкова, сторонник учения Мичурина-Лысенко, ставшего в последующем предметом справедливой критики и неприятия большинства ученых, всячески отстаивала эти взгляды. Казалось бы, можно было упомянуть и о достоинствах, и о научных изысках К. Кострюковой. Однако И. Трахтенберг в своем обзоре тогдашнего

уцелел лишь благодаря стараниям Льва Ивановича, назначенного его директором в преддверии войны. Надо было обладать огромной энергетикой и влиянием, чтобы обеспечить эвакуацию учебного заведения из города, куда вскоре войдет враг. Возможно, Исаак Михайлович и видел Льва Медведя накануне переезда, ведь неутомимый директор всегда находился среди студентов, но лицом к лицу они встретятся в г. Челябинске, когда И. Трахтенберга станет председателем студенческого профкома. Харизма Льва Ивановича — ученого-токсиколога, одновременно и гигиениста, оказала влияние на формирование личности Исаака Михайловича. В 1946 г., получив диплом с отличием выпускника лечебного факультета, И. Трахтенберг неожиданно избирает своим будущим область профилактической медицины. Что побудило его к совершению такого поступка, фактически обречавшего ученого на получение лишь скупого научного жалования? Жизнь подтвердила, что в высшем смысле он оказался прав. Принципы Л. Медведя будут практически всегда звучать в мыслях и решениях его воспитанника И. Трахтенберга, в его кредо. Конечно же, один из титанов эпохи Л. Медведь, равно как и круг родных и близких Исаака Михайловича, описаны в новой книге.

Здесь трепетно автором повествуется об отце — директоре одного из киевских заводов, а во время войны активнейшим участником обеспечения армии продукцией

оборонной промышленности Урала, посвятившего себя семейным заботам; любимой жене — единомышленнику и другу; сыну, наследовавшему медицинские традиции семьи; дочери, познавшей успех в искусстве; внукам, доставляющим огромную радость.

Улицы поэтов, ученых, врачей

О новой книге хочется говорить пространно, и можно надеяться, что читатели и сами с интересом погрузятся в такой водоворот образов и воспоминаний. Кроме того, сам город Киев, некоторые его улицы захватывающе запечатлены в книге, в частности родная улица Тарасовская, где обитал Исаак Михайлович в молодые годы. Вслед за Г. Кипнисом, фронтовиком, писателем и журналистом, впервые посвятившем улице Тарасовской свой этюд, и Исаак Трахтенберг в разделе «Улицы поэтов, ученых, врачей» анализирует, причем часто впервые, историографию улицы.

Совсем недавно профессор Муратов, в прошлом сотрудник кафедры физиологии Киевского медицинского института, в отклике на изыскания Исаака Михайловича прислал ему из г. Праги (Чехия) любопытное письмо. Он отмечает, что после завершения Первой мировой войны в г. Киеве были освобождены интернированные чешские военные, среди которых был и Людвиг Свобода, будущий президент Чехословакии. Он вошел в состав известной пожарной команды, располагавшейся по улице Тарасовской, 4, а по улице Тарасовской, 6 проживал впоследствии Исаак Трахтенберг.

Через годы, через расстоянья...

«Пред ликом светлым города родного, Золотое сплетение старых улиц, Мельникова — путь на Голгофу, Знакомые лица киевских домов» — сами эти названия некоторых разделов первого тома новой книги говорят о ее смысле и сути. И немного о главах второго тома издания: «Неординарный нарком Анатолий Луначарский, Илья Эренбург: Киев — моя родина, Валентин Бережков. Киевские страницы, Затонский, сын Затонского, Виктор Некрасов — через годы, через расстоянья...». В свой пока не известный, но, думается, славный путь выходит новая книга о киевлянинах, написанная киевлянином. Ученые писатели, художники и врачи, поэты и архитекторы, педагоги и музыканты, меценаты и военные — все они в силу памяти И. Трахтенберга вошли в архитектуру этой книги.

«Теперь, когда мемуары И. Трахтенберга исчисляются добрым десятком, можно с уверенностью утверждать, что это воистину подвижнический труд. Здесь мало одного таланта литератора-мемуариста, которым автор обладает в полной мере. Нужна, если хотите, и жертвенность. Ведь надо отдать часть своей жизни, чтобы сохранить память о жизни других. Конечно, это достойно уважения», — пишет в предисловии к книге «Слово историка» академик Петр Толочко.

Каковы же самые значимые светильники на творческих аллеях И. Трахтенберга? Упомянем о факте, не затронутом в книге, но позволяющем сказать, что в ней присутствуют закономерности, превращающие время в историю. По инициативе Исаака Михайловича 5-й Международный конгресс по биоэтике, состоявшийся недавно в г. Киеве, был посвящен 100-летию со дня рождения Н.М. Амосова и 150-летию В.И. Вернадского. Эти имена и сведения о них есть в книге. Но она предстает многопалубным творческим кораблем с прожекторами, светящими с былого и устремленными в завтрашний день. Да, это индивидуальный облик г. Киева, его Сыновей и Дочерей. Однако каждый, возможно, увидит на этих оформтах и себя.

В тридцать третьем, когда И. Трахтенбергу было 10, он столкнулся с ужасами голодомора. В сорок третьем возмужав, что Киев освобожден, в пятьдесят третьем воспринял как злодеяние «дело врачей»... Тяга к перу у Исаака Михайловича проявилась десятилетия назад, на заре профессиональной деятельности. И хотя бег времени продолжается, творческие родники И. Трахтенберга бьют с прежней животворной силой.

Подготовил Юрий Виленский

